

История поэзии убедительно показывает, что ямб — это естественное дыхание русской речи и русского стиха. Ямб передает все оттенки смысла и чувства, монолог и диалог, голос одиночки и ропот толпы.

В августе 1739 года русские войска взяли в Бессарабии турецкую крепость Хотин и пленили "трехбунчужного Кан-чака-пашу". В Европе, где до того распространялись слухи об упадке военной мощи России после смерти Петра Великого, эти события широко обсуждались, а молодой Ломоносов, изучавший в ту пору металлургию в Саксонии, ямбами "Оды... на победу над Турками и Татарами и на взятие Хотина..." выразил свой восторг:

*Прости, что раб твой к громкой славе,
Звучит что крепость сил Твоих,
Придать дерзнул некрасный стих
В подданства знак Твоей державе.*

Ода, посвященная памяти императрицы Анны Иоанновны (такое обращение было обычным для литературного этикета эпохи), была приложена поэтом к "Письму о правилах российского стихотворства" как художественный пример нового стихосложения. Впоследствии Белинский предложил вести начало новой русской литературы именно от этой оды.

В "Письме о правилах российского стихотворства" (1739) Ломоносов пишет: "Чистые ямбические стихи хотя и трудновато сочинять, однако, поднимаясь тихо вверх, материи благородство, великолепие и красоту умножают".

Лучше не скажешь! Вслушаемся: "...поднимаясь тихо вверх" — безударный слог сменяется ударным, голос повышается, идет ввысь и тем самым "материи благородство, великолепие и красоту умножают". Таковы — по Ломоносову — ямбические стихи. У Державина ямб обрел редкостное разнообразие. Кисть этого стихийного мастера исключительно сильна в интерьере, натюрморте, пейзаже. На его ямбы русская поэзия будет оглядываться долго — от описания комнаты Онегина до "Столбцов" Заболоцкого уже в нашем веке.

Но Державин не только плоть и кровь бытия, это мысль о бытии и небытии, беспокойная мысль, доискивающаяся ответа на вечные вопросы.

*Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает.*

Мысль Державина беспощадна, как воспеваемое им время: "Приемлем с жизнью смерть свою, На то, чтоб умереть родимся", "Сегодня льстит надежда лестна, А завтра — где ты, человек?"

Строки о кончине князя Мещерского становятся размышлением о смерти вообще: "Глядит на всех — и на царей". "Глядит на силы дерзновенны И точит лезвие косы".

Подобно тому как ломоносовские ямбы ("открылась бездна...") открыли русской поэзии Вселенную, державинские ямбы о времени ("Река времен в своем стремленьи...") породили элегическую традицию: Батюшков, Пушкин, Баратынский, Дельвиг, Веневитинов, Лермонтов и далее — к Анненс-кому, Волошину, Ахматовой, Ходасевичу, Мандельштаму.

"Мой гений" Батюшкова, "Анчар" Пушкина, "Элегия" ("Когда, душа, просилась ты...") Дельвига, "Участь русских поэтов" Кюхельбекера, "Вальс" Давыдова, "Еще тройка" Вяземского, "Водопад" Баратынского, "Вечерний звон" Козлова, "Ветка Палестины" Лермонтова, "Молитва" Языкова, "Фонтан" Тютчева и десятки, сотни, тысячи замечательных стихотворений — все ямб. Но какой он разный в своем звучании.

Ямб захватил басню. Крыловские ямбы показывают, как естественно и просто сочетается народная речь с приданными ей ритмами.

*"Соседушка, мой сваи!
Пожалуйста, покушай". —
"Соседушка, я сыт по горло". — "Нужды нет.
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!"*

Многие басни Крылова — ямбические: "Муравей", "Пастух и море", "Свинья под дубом", "Лисица и осел", "Две собаки", "Лев", "Волки и овцы"... А от Крылова рукой подать до Грибоедова:

*А судьи кто? — За древностию лап
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забытых газет
Времян Очаковских и покоренья Крыма;*

*Всегда готовые к журьбе,
Поют всё песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.*

Мы читаем произведение истинного поэта, упиваясь им, и только позднее обнаруживаем, что в основе его — ямб. Ямб — канва. А узор сделан рукой мастера. Важны интонация, живые переливы голоса поэта, трепет его.

Но и у одного автора, и, более того, в пределах одного произведения мы находим разные ямбы.

Строфа XXVI главы второй "Евгения Онегина":

Русский ямб

Автор: Administrator
16.02.2013 14:28 -

*От самых колыбельных дней,
Течение сельского досуга
Мечтами украшала ей.
Ея изнеженные пальцы
Не знали игл; склонясь на пяльцы,
Узором шелковым она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примета,
С послушной куклою дитя
Приготавливается шутя
К приличию, закону света,
И важно повторяет ей
Уроки маменьки своей.*

Теперь — для сравнения — строфа XLII главы пятой:

*Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремел мазурки гром,
В огромной зале всё дрожало,
Паркет трещал под каблуком,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и лая, как дамы,
Скользим по лаковым доскам.
Но в городах, по деревням
Еще мазурка сохранила
Первоначальные красы:
Припрыжки, каблуки, усы
Всё те же: их не изменила
Лихая люда, наш тиран,
Недуг новейших россиян.*

Содержание, настроение, образы, интонация этих двух "онегинских строф" различны, оттого и звучание ямбов здесь столь несходно, что создается впечатление, будто эти фрагменты написаны разными стихотворными размерами. В одном случае — звучание романса, элегии, в другом — танец, он и назван — мазурка.

Ямб богат, гармоничен. Он легко и естественно вбирает в себя слова разных слогаударных типов.

Двухстопный пушкинский ямб легок, изящен, виртуозен.

*Играй, Адель,
Не знай печали.
Хариты, Лель
Тебя венчали
И колыбель*

Русский ямб

Автор: Administrator
16.02.2013 14:28 -

Твою качали.

Но и шестистопный ямб Фета легок, изящен, виртуозен!

И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь...

В четырехстопном ямбе Пушкин выражает все, что может испытать душа человека. От величественных явлений природы, катаклизмов истории до колыбельной. Его ямб с пиррихиями, когда появляются два смежных безударных слога, дает возможность вобрать в строку сложные слова разных слогуударных типов:

Адмиралтейская игла...

Здесь вместо четырех ударений — два.

Мелодика стиха от подобных сокращений ударных слогов выигрывает. Отдаленность ритма от метра, несовпадение их служат распеву, кантилене.

Русские поэты и были привязаны к ямбу и силились вырваться из его пут. Один из первых приверженцев ямба, Тютчев, внес в его мелодику нечто новое:

*О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!*

Во второй и четвертой строках лишние безударные слоги. Стихотворение дает новый рисунок старого ямба, что создает особое очарование.

Ямб выдержал нагрузку не только лирической миниатюры, басни, поэмы. Он несет — и легко несет — монументальные конструкции "Евгения Онегина" и "Кому на Руси жить хорошо".

Некрасовский ямб с дактилическими и мужскими окончаниями на протяжении многих и многих страниц звучит естественно и увлекает:

*В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай...*

Непроизвольная смена рифмовки с акцентом на дактилической, свободно льющаяся народная речь, своеобразная интонированность ее — все это обогащает наше представление о ямбе, его возможностях. У каждого из мастеров русского стиха ямб приобретает свои особые приметы.

Так, Блок чувствовал ямбическую волну, докатившуюся до него от ломоносовских од и пушкинского "Медного всадника": "...все мы находимся в вибрациях его меди" ("Записные

книжки").

В цикле-книге Блока "Ямбы" (1907—1914) выражены смутные, но мощные предчувствия перемен, более того — катастроф. Ямб лег в основу блоковской поэмы "Возмездие "Дроби, мой гневный ямб, камня".

В ямбах Блока умещаются и лирика, и сатира. Ночной пасхальный звон в Ревеле:

*Над человеческим созданием,
Которое Он в землю вбил,
Над смрадом, смертью и страданием
Трезвонят до потери сил...*

Еще в юности эта строфа потрясла меня. Гребень волны достигает вершины. И тогда мы ждем спада. Но спада нет.' Происходит переход патетики в лирику, в лирическую драму. Итак, звонят —

Над мировую чепухую; Над всем, чему нельзя помочь; Звонят над шубкой меховой, В которой ты была в ту ночь.

Ямб у Блока — его любимая забота, способ лирического собеседования, энергия стиха, естественная возможность и право перемолвиться с классикой.

Культура ямба — это одухотворенное выражение лица нашей поэзии, ее прекрасная улыбка, ее нахмуренное чело.

Обращает на себя внимание то, что начало и конец творческого пути Маяковского — ямбические.

Начало — стихотворение 1913 года "А вы могли бы?": "А вы // ноктюрн сыграть // могли бы // на флейте водосточных труб?"

И впоследствии из поисков тонически нового он не раз возвращался к ямбу. "В сто сорок солнц закат пылал..." — ямб, да к тому же четырехстопный. "Я даже ямбом подсю-сюкну, чтоб только быть приятным вам" — "обещал" Маяковский Пушкину в "Юбилейном", буде он согласится сотрудничать в агитплакате.

В поэме "Во весь голос" написано только первое вступление. Ямб! И предсмертные строки Маяковского из записной книжки 1930 года тоже ямбические:

Я знаю силу слов я знаю слов набат

Чистая народная речь, доведенная до алмазного блеска в басне и комедии, лирике и эпосе — решительно во всех литературных жанрах, оказывается обязанной ямбической стихии. Непреднамеренно живое высказывание совпадало с ямбом, словно желало встретиться с ним, готовилось к этой встрече.

Даже проза, пусть и поэтичная, тяготела к ямбу. У Горького в "Песне о Соколе":

Русский ямб

Автор: Administrator
16.02.2013 14:28 -

"Высоко в горы вполз Уж и лег там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море..."

Ямб не раз сбрасывали с "парохода современности". Но эти попытки оканчивались плачевно. Ямб мстительно появлялся в стихах "сбрасывателей". Умозрительно его гнали, а он со всей очевидностью появлялся в сочинениях гонителей. Здесь нет смысла злорадствовать.

Ямб — это порода. Врубаешься в речь — вторгаешься в ямб.

Ямб — это природа. Природа естественного распева русской речи. Не навязанный ей извне способ подверстывать слова и располагать их в определенном ритме, а удобное для жизни натуральное дыхание.

Так продолжает жить ямб в нашей поэзии.

Лев ОЗЕРОВ